

“Теремки”
(детские подражания народной сказке)

“Теремок” относится к числу тех народных сказок, которые входят в жизнь каждого русского человека в самые первые годы его жизни. Третьеклассники называли такие сказки “главными”. Как считалки, а также произведения некоторых других фольклорных жанров, “главные” сказки проникают в нас незаметно, подобно родному языку (или вместе с языком?). Такой одинаково неререфлексируемый способ освоения языкового и фольклорного материала связан с давно открытым исследователями родством механизмов функционирования языка и фольклора¹. Не случайно у ребенка подчас складывается ощущение, что самые распространенные фольклорные тексты уже принадлежали ему, как только он родился на свет².

Придя в школу, ребенок начинает сознательно овладевать всем тем естественно-научным, языковым, фольклорным, литературным и др. материалом, которым обогатился до школы почти незаметно для самого себя, помимо собственной воли. “Все школьное обучение, если взять его психологическую сторону, все время вращается вокруг оси основных новообразований школьного возраста: осознания и овладения”³, — утверждает Л.С. Выготский.

Одна из форм овладения фольклорным и литературным материалом, продуктивная, на мой взгляд, в младшем школьном возрасте, — создание творческих имитаций или подражаний. Письменные работы такого характера занимают в нашей технологии центральное место⁴. Подражая, дети ведут себя не только рационально, опираясь на предварительные наблюдения, но и интуитивно, нередко откликаясь в своих текстах и на не замеченные во время анализа особенности образца.

Подобные подражания чрезвычайно органичны для устной народной словесности, предполагающей инвариантные отношения и потому всегда таящей возможности новых и новых трансформаций.

Перечитав на уроке и сравнив несколько вариантов русской народной сказки “Теремок”, учащиеся вторых-третьих классов пишут “свои” “Теремки”. В этом случае они, вероятно, не столько подражают (ибо

¹ См., например: П.Г. Богатырев, Р.О. Якобсон. Фольклор как особая форма творчества // П.Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 374—375.

² “Когда я родился, они уже сидели у меня в животе”, — первоклассник о самых распространенных считалках.

³ Л.С. Выготский. Мышление и речь. М., 1996. С. 243.

⁴ См. раздел «Творческие подражания» в настоящем издании.

подражать как будто и нечему: единственная незыблемая часть сказки, ее инвариантная основа “растворена” в многочисленных вариантах, часть которых знакома детям по дошкольному опыту и второклассниками как таковая не осознается), сколько создают собственные трансформации, встраиваясь в пока открытую для них модель сказочного сюжета.

Особый характер фольклорной коммуникации, в которой отношения между отдельными вариантами произведения, принадлежащими разным носителям, опосредованы инвариантом, естественно проживается ребенком в процессе сопоставления собственного варианта с другими, созданными его товарищами по классу. Так на наших уроках происходит освоение самой модели функционирования сказки, а не только ее отдельных вариантов.

Ниже приведены детские варианты сказки “Теремок”, принадлежащие второклассникам, ученикам О.Е. Петуховой, О.В. Янечко, О.А. Федюк (школа “Зимородок”).

Первая группа текстов написана в продолжение общего (заданного в учебных книгах) начала:

“Однажды кто-то оставил на берегу ручья старый башмак.

От сильных дождей вода в ручье разлилась, и течение унесло башмак к огромному пруду...”

(задана исходная ситуация, определен предмет “обживания”).

Вторая группа — тексты, целиком задуманные и написанные детьми как варианты сказки “Теремок”.

“Теремки” *третьей группы* созданы после знакомства ребят с многочисленными литературными версиями этой сказки (М. Михайлов. “Лесные хоромы”, С. Маршак. “Теремок”, Е. Чарушин. “Теремок”, В. Сутеев. “Под грибом”, В. Бианки. “Теремок”). Здесь дети — полноправные авторы собственных произведений, наряду с профессиональными писателями ищущие собственные художественные решения традиционного сказочного сюжета.

1. Старый башмак

Сеня Квасов

...Прибежала водяная крыса и стала там жить. Прилетел орел.

— Кто в терему?

— Я, водянуха, а ты кто?

— А я зоркий глаз.

— Иди ко мне жить!

И стало их двое. Бежит лисица:

— Кто в терему?
— Я, водянуха, зоркий глаз, а ты кто?
— А я всему лесу краса.
— Иди к нам жить!
И стали втроем жить. Примчалась рысь:
— Кто в терему?
— Я, водянуха, зоркий глаз, всему лесу краса, а ты кто?
— А я подальше держись.
Пришел медведь:
— Кто в терему?
— Я, водянуха, зоркий глаз, всему лесу краса, подальше держись, а ты кто?
— А я не может не реветь.
Пришагал слон.
— Кто в терему?
— Я, водянуха, зоркий глаз, всему лесу краса, подальше держись, не может не реветь, а ты кто?
— А я все вон.
Зашел в терем, терем развалился.

Илья Нущик

...Летит муха-горюха и говорит:
— Хорош терем, плавуч.
Живет день, живет другой.
Летит комар-пискун и спрашивает:
— Кто, кто в терему? Кто, кто в плавучем?
— Я, муха-горюха, а ты кто?
— Я комар-пискун.
— Иди ко мне жить.
Стали они жить вдвоем.
Прискакала лягушка и говорит:
— Кто, кто в терему, кто, кто в плавучем?
— Я, муха-горюха, да я, комар-пискун. А ты кто?
— Я на воде балагта.
— Иди к нам жить.
И вот они стали жить втроем.
Притащился енот и говорит:
— Кто, кто в терему, кто, кто в плавучем?
— Я, муха-горюха, да я, комар-пискун, я, на воде балагта. А ты кто?
— А я крошка енот.
Стали они жить вчетвером.
Летит чайка, села рядом и говорит:

- Кто, кто в терему, кто, кто в плавучем?
— Я, муха-горюха, я, комар-пискун, я, на воде балагта, да я, крошка енот.
А ты кто?
— Я чайка-белокрылка.
— Иди к нам жить.
Стали они жить впятером. Жили-поживали, горя не знали. Разузнал про то медведь, подобрался к берегу, дотронулся до башмака и затопил его.

Оля Осипова

- ...Проплывал по пруду водомер — по воде шагомер. Увидел старый башмак и говорит:
— Какой хороший домик, в нем тепло и сухо, буду здесь жить.
Пролетал овод — на лету жужжалка и говорит:
— Кто, кто в тереме живет?
— Я, по воде шагомер.
— А я на лету жужжалка.
— Иди ко мне жить.
И стало их двое.
Прискакала лягушка — на воде попрыгушка и говорит:
— Кто, кто в тереме живет?
— Я, по воде шагомер, да на лету жужжалка.
— А я на воде попрыгушка.
— Иди к нам жить.
И стало их трое.
Проползала черепаха-ползунья и говорит:
— Кто, кто в тереме живет?
— Я, по воде шагомер, на лету жужжалка да на воде попрыгушка.
— А я ползунья.
— Иди к нам жить.
Стала черепаха залезать. Залезала-залезала, а башмак разорвался. Все и разбежались.

Юля Мызникова

- ...Подлетела к башмаку бабочка и спросила:
— Кто-кто в теремочке? Кто-кто в высоком?
Никто не отвечает.
Стала бабочка жить в башмаке.
Приползла гусеница и спрашивает:
— Кто-кто в теремочке? Кто-кто в высоком?
— Я бабочка, шуршу — крыльями машу. А ты кто?

— А я гусеница-ползуха.
— Иди ко мне жить.
Стали двое жить.
Прискакала лягушка и спрашивает:
— Кто-кто в теремочке? Кто-кто в высоком?
— Я бабочка, шуршу — крыльями машу.
— Я гусеница-ползуха. А ты кто?
— А я лягушка-зеленуха.
— Иди к нам жить.
Стали трое жить.
Прискакала белочка и спрашивает:
— Кто-кто в теремочке? Кто-кто в высоком?
— Я бабочка, шуршу — крыльями машу.
— Я гусеница-ползуха.
— Я лягушка-зеленуха. А ты кто?
— А я белочка-стрелочка.
— Иди к нам жить.
Стали четверо жить.
Пришла лиса и спрашивает:
— Кто-кто в теремочке? Кто-кто в высоком?
— Я бабочка, шуршу — крыльями машу.
— Я гусеница-ползуха.
— Я лягушка-зеленуха.
— Я белочка-стрелочка. А ты кто?
— А я лисица — лесная хитрица.
— Иди к нам жить.
Стали пятеро жить.
Пришел кабан и спрашивает:
— Кто-кто в теремочке? Кто-кто в высоком?
— Я бабочка, шуршу — крыльями машу.
— Я гусеница-ползуха.
— Я лягушка-зеленуха.
— Я белочка-стрелочка.
— Я лисица — лесная хитрица. А ты кто?
— А я кабан — всех-вокруг-ам.
Прыгнул на башмак и всех в нем раздавил.

Никита Бараховский

...Там прибился он к бережку.
Пролетал мимо комар. Заглянул в башмак и спрашивает:
— Кто в тереме высоком живет?
Никто не откликнулся. И стал комар жить в башмаке.

Проползал мимо червяк.
— Кто в тереме высоком живет?
— Я — комар-кровопийца. А ты — кто?
— Я червяк-ползун. Давай вместе жить!
— Давай!
Проплывал мимо паук.
— Кто в высоком тереме живет?
— Я — комар-кровопийца!
— Я — червяк-ползун!
— А ты кто?
— А я паук-плетун.
— Давайте жить вместе!
Стали они жить втроем.
Прошлепала мимо лягушка.
— Кто в тереме высоком живет?
— Комар-кровопийца, да червяк-ползун, да паук-плетун. А ты кто такая?
— Я — лягушка-болтушка.
— Иди с нами жить!
И стали они жить вчетвером.
Катился мимо ежик.
— Кто в высоком тереме живет?
— Я — комар-кровопийца.
— Я — червяк-ползун.
— Я — паук-плетун.
— Я — лягушка-болтушка.
— А ты кто?
— Я ежик — ни головы, ни ножек.
— Иди к нам жить!
И стали они жить впятером.
Пробегал мимо заяц.
— Кто в тереме живет?
— Я — комар-кровопийца.
— Я — червяк-ползун.
— Я — паук-плетун.
— Я — лягушка-болтушка.
— Я — ежик — ни головы, ни ножек.
— А ты кто?
— Я заяц-косоглазец. Возьмите меня к себе жить!
— Заходи!
И стали они жить вшестером.
Но вот пробежал мимо волк. Увидел теремок и спрашивает:
— Кто в высоком тереме живет?
— Да много нас:

- Я — комар-кровопийца.
- Я — червяк-ползун.
- Я — паук-плетун.
- Я — лягушка-болтушка.
- Я — ежик — ни головы, ни ножек.
- Я — заяц-косоглазец.
- А ты — кто?
- Я волк — зубами щелк. Пустите, братцы, а то насмерть замерзну.
- Входи уж!
- Ползет волк — зубами щелк в башмак. Сунул свою зубастую морду в теремок. Башмак не выдержал и раз-ва-лил-ся!

Дима Тюпа

- ...Там башмак наполнился водой и пошел ко дну.
- Плыл мимо головастик, увидел башмак и стучится:
- Башмак-белошнур! Кто в башмаке живет?
- Никто головастику не ответил, и решил он там поселиться, пока лягушкой не станет.
- Живет он, живет, вот плывет мимо пескарь и стучится:
- Башмак-белошнур, кто в башмаке живет?
- Я, головастик-короткохвостик. А ты кто?
- А я пескарь-усощуп.
- Иди ко мне жить.
- Стало их двое.
- Ползет мимо рак, увидел башмак и стучится:
- Башмак-белошнур! Кто в башмаке живет?
- Я, головастик-короткохвостик.
- Я, пескарь-усощуп. А ты кто?
- А я рак-клешнерезень.
- Иди к нам жить.
- Стало их трое.
- Плывет мимо карп, еле плавниками шевелит.
- Башмак-белошнур! Кто в башмаке живет?
- Я, головастик-короткохвостик.
- Я, пескарь-усощуп.
- Я, рак-клешнерезень. А ты кто?
- А я карп-жирнобок.
- Иди к нам жить.
- И стало их четверо.
- Плывет мимо щука, увидела башмак и стучится:
- Башмак-белошнур! Кто в башмаке живет?
- Я, головастик-короткохвостик.

- Я, пескарь-усощуп.
- Я, рак-клешнережень.
- Я, карп-жирнобок. А ты кто?
- А я щука-догонюка.
- Иди к нам жить.

Стало их аж пятеро. Башмак чуть не рвется.

Тут головастик в лягушку превратился. Башмак лопнул, столько шума наделал, лягушонка оглушил. Очнулся он и говорит:

— Кто здесь? Помогите мне.

А они в ответ со страху:

- Я пескарь-усозуб.
- Я рак-крошкурежень.
- Я карп-жирзамок.
- Я щука-догоскука.
- Ой, сколько чужих здесь! — сказал лягушонок и выпрыгнул из воды.

* * *

Теремки этой группы точно следуют основным правилам инварианта, за исключением работы Димы. Единственное “грубое” (хотя и закономерное) нарушение — *замена медведя*, обязательного “исполнителя” роли разрушителя в сказке, слонем (Сеня), волком (Никита), черепахой (Оля), кабаном (Юля), лягушкой (Дима). Только Илья сохранил медведя в финале сказки. Вполне понятно, что, в отличие от подлинных носителей фольклорной традиции, Илья выбрал медведя на роль разрушителя не в силу переживания медведя как культового животного, а скорее в результате следования образцу. Для остальных ребят актуальным оказалось выдержать увеличение размера персонажей, выстроить их “по росту”; с этой точки зрения и медведь, и слон, и волк, и кабан, и даже черепаха (по сравнению с оводом, водомером, лягушкой — см. работу Оли) вполне соответствуют инварианту. Совершенно очевидно, что *системные* ограничения инварианта, отчасти выступающие для современного ребенка как своеобразные *правила игры*⁵, “наследуются” гораздо естественней, чем “точечные”, несистемные ограничения, налагаемые утраченными теперь мифологическими представлениями носителей фольклора. Не случайно медведь “исчезает” и в украинской, и в белорусской сказках. Практически все остальные законы инварианта имеют системный характер и допускают значительную свободу в выборе отдельных элементов (у каждого персонажа должно быть прозвище, но выбор прозвища

⁵ Системные ограничения инварианта также содержательны и связаны с глубинными представлениями носителей фольклорного сознания. Как было показано выше (см. раздел «Русская народная сказка «Теремок»: логика инварианта и пределы варьирования»), в сказке “Теремок” выражено позитивное переживание внутреннего (небольшого) пространства по сравнению с негативным переживанием внешнего (неограниченного, разомкнутого) пространства леса, поля и т.д.

происходит по усмотрению исполнителя; всегда есть персонаж, с которого начинается гиперболизация внутреннего пространства теремка, но в одном случае это лягушка, в другом — лиса, в третьем — волк и т.д.).

В работе Оли нарушено “системное” правило инварианта: гиперболизация вместимости внутреннего пространства теремка. Черепаха — первая из героев, кому башмак не по росту: она и разрывает “теремок”.

В работе Димы нарушено сразу несколько ограничений инварианта — в отличие от своих товарищей и, по сути дела, вразрез заданию, предполагавшему подражание фольклорной сказке (для облегчения — в продолжение началу с выбранным предметом обживания и необыгранной в известных детям вариантах “водяной” тематикой), Дима ведет себя как автор, создатель оригинального замысла, неизбежно пренебрегая фольклорным канонами. Так, Дима “позволяет себе” (вопреки правилам инварианта): а) присвоить прозвище самому теремку; б) сделать открывателем и разрушителем теремка одно и то же лицо (изобретательно выбрав на эту роль головастика, превращающегося в лягушку)⁶; в) продолжить действие сказки после разрушения теремка; г) поиграть с прозвищами в заключительном диалоге и тем самым передать состояние героев, их испуг; д) “посвятить” повествователя в “замысел” головастика: “решил он там поселиться, пока лягушкой не станет...” Димин ход — чисто литературный. Любопытно, что большинству ребят еще “просторно” в фольклорной сказке; они выражают себя то в обыгрывании новой для “Теремка” “водяной” темы, то в изобретении прозвищ, то в подборе неожиданных персонажей. Диме же тесно в прокрустовом ложе инвариантных ограничений, он ломает их и создает авторскую сказку.

2. Фольклорные “Теремки”

Аня Нущик

Ведро

Жила-была в ведре Божья коровка. Печку топила, кашу варила.

Однажды прилетает к ней Комар-пискун, стучится в ведро.

— Тук, тук, тук. Кто, кто в домике живет?

— Я — Божья коровка. Иди ко мне жить!

⁶ Изобретение растущего персонажа могло быть подсказано Диме литературной сказкой В. Сутеева “Под грибом”, представляющей собой авторскую версию фольклорного “Теремка”. Но у Сутеева растет сам “теремок”-гриб, что создает реалистическую мотивировку гиперболизированной вместительности “теремка”, Дима же создает новую мотивировку крушения, “взрыва” башмака-терема.

Залетел в ведро Комар-пискун, и стали они вдвоем жить.
Живут-поживают, не нарадуются.
Летит мимо Бабочка-либочка, опустила на ведро и стук-постук:
— Кто, кто в домике живет?
— Я — Божья коровка.
— Я — Комар-пискун. Иди к нам жить!
Стали они втроем жить. День живут, второй живут.
Ползет Жук-рогач, стучится:
— Кто, кто в домике живет?
— Я — Божья коровка.
— Я — Комар-пискун.
— Я — Бабочка-либочка. Иди к нам жить!
Стали они вчетвером жить. Жили все вместе, радовались.
А потом пришла девочка, подняла ведро, жители ведра испугались и кто куда разбежались.

Надя Качанова

Колокольчик

Бежала собачка, и был у нее на ошейнике колокольчик.
И она его обронила.
Бежала блоха-попрядуха.
Смотрит — колокольчик.
И стучит.
— Кто, кто в тереме живет?
Никто не отвечает. Она и стала там жить. Бежит крот. Видит — теремок. И спрашивает.
— Кто, кто в тереме живет?
— Я блоха-попрядуха, а ты кто?
— Я крот-землерой.
— Иди ко мне жить.
И стало их двое.
Живут день, живут два.
Бежит мышка-погрызушка. Видит терем и спрашивает:
— Кто, кто в тереме живет?
— Блоха-попрядуха да крот-землерой, а ты кто?
— Я мышка-погрызушка.
— Иди к нам жить.
И стало их трое.
Пробегала в то время та самая собачка. Увидела свой колокольчик и взяла его в зубы и унесла его домой. По дороге звери выпали и разбежались.

Лена Макеенко

Старый чайник

Лежал на свалке старый ржавый чайник.

Полз по свалке дождевой червяк. Увидел чайник, заполз в носик и поселился в лужице на дне. Прибежал паук и кричит:

— Эй ты там, хозяин дома! Прими гостя дорогого.

— Я хозяин дома. Я Червяк-Дождевяк, а что за гость дорогой ко мне пришел?

— Я Паук — Мастер Восьми Рук, пусти меня к себе жить.

— Что ж, заходи.

И стало их двое.

Прилетела муха и кричит:

— Эй ты там, хозяин дома! Прими гостя дорогого.

Червяк и паук говорят:

— Мы хозяева дома. Я Червяк-Дождевяк!

— Я Паук — Мастер Восьми Рук, а ты кто?

— А я Муха — По Тарелкам Поскребуха. Пустите меня к себе жить.

— Что ж, заходи.

И стало их трое. Прибежала крыса и кричит:

— Эй ты там, хозяин дома! Прими гостя дорогого!

— Мы хозяева дома. Я Червяк-Дождевяк.

— Я Паук — Мастер Восьми Рук.

— Я Муха — По Тарелкам Поскребуха.

— А я Крыса — Все Перегрыза. Пустите меня жить.

— Ладно, и ты заходи.

И стало их четверо.

Прибежала бродячая собака. И кричит:

— Эй ты там, хозяин дома! Прими гостя дорогого!

— Мы хозяева дома. Я Червяк-Дождевяк.

— Я Паук — Мастер Восьми Рук.

— Я Муха — По Тарелкам Поскребуха.

— Я Крыса — Все Перегрыза, а ты кто?

— А я Пес — Битый Нос. Пустите меня к себе жить.

— Хорошо, заходи.

И стало их пятеро.

Вдруг потянул кран со свалки металлолом. И чайник стал подниматься. Испугались звери, разбежались, да так больше и не встречались.

Коля Волынкин

Теремок

Ехал сапожник с полным возом сапогов и потерял один сапог. Проползал мимо жук-рогач. Видит — сапог лежит, заполз в него и стал жить-поживать. Летит мимо стрекоза. Видит — сапог лежит, подлетела и стучится:

— Кто в сапоге живет?

— Я — жук-рогач, а ты кто?

— А я стрекоза-стрекотуха.

— Ну, иди, тут места много, никому не тесно.

Стали они вдвоем жить.

Пролетал мимо комар. Видит — сапог лежит.

— Кто в сапоге живет?

— Я — жук-рогач, да я — стрекоза-стрекотуха. А ты кто?

— Я комар-длиннонос.

— Иди к нам жить.

Стали они втроем жить.

Скакал мимо кузнечик. Видит — сапог лежит.

— Кто в сапоге живет?

— Я — жук-рогач, я — стрекоза-стрекотуха, я — комар-длиннонос. А ты кто?

— А я кузнец — на все дела молодец.

— Иди к нам жить.

Стали они вчетвером жить.

Тут-то сапожник пропажу и обнаружил. Вернулся, только взял сапог, тут все жильцы врассыпную. Сапожник сапог унес, а жук-рогач, стрекоза-стрекотуха, кузнец — на все дела молодец и комар-длиннонос новый дом построили, лучше и больше прежнего.

Сережа Пустыльников

Дупелко

Бежал по березе жук, видит — дупло. Подбежал и спрашивает:

— Кто в дупелке живет?

Никто не отвечает. Забрался жук в дупло.

Подползла гусеница, спрашивает:

— Кто в дупелке живет?

— Я, жук-древоточец. А ты кто?

— А я гусеница-листовертка.

— Иди ко мне жить.

Стали они жить вдвоем.

Пробегал мимо клещ и спрашивает:

— Кто в дупелке живет?

— Я, жук-древоточец, да гусеница-листовертка. А ты кто?

— А я клещ-листоед.

— Забирайся к нам!

И стало их трое.

Подлетела златка, спрашивает:

— Есть ли кто в дупелке?

— Я, жук-короед, гусеница-листовертка, да клещ-листоед. А ты кто?

— А я златка — на листья падка.

— Ступай к нам жить!

Стали жить вчетвером.

Проползала мимо тля, спросила:

— Кто в дупелке живет?

— Я, жук-древоточец, гусеница-листовертка, клещ-листоед, да златка — на листья падка. А ты кто?

— А я тля — толстым пузом вертля.

— Живи с нами!

И стало их пятеро.

Пролетала мимо цикада, проскрипела:

— Кто в дупелке живет?

— Я, жук-короед, гусеница-листовертка, клещ-листоед, златка — на листья падка, да тля — толстым пузом вертля. А ты кто?

— А я цикада — обеду из листьев рада.

— Иди к нам жить!

И стало их шестеро.

Сел на ветку дятел, заглянул в дупло, разглядел, кто там живет. Сказал:

— А я дятел — врагов леса побиватель!

И склевал всех!

* * *

Эти ребята вместо продолжения сказки “Старый башмак” писали целые тексты — подражания сказке “Теремок”, также после сравнения нескольких фольклорных вариантов. Им предстояло не только выбрать персонажей, придумать прозвища, сконструировать сказочную формулу, выстроить цепочку эпизодов и т. д., но и придумать свою экспозицию, выбрать предмет обживания.

В подтверждение предыдущих наблюдений отметим, что ни в одной детской работе медведь не был выбран на роль разрушителя теремка. Более того, как такового *разрушения* теремка в этих работах вообще *не происходит*. Вероятно, ребята испытали влияние украинской сказки “Рукавичка”, широко представленной в переводе на русский язык в многочисленных детских изданиях, не раз изданной в виде книжки-игрушки и хорошо известной современным детям. Эту сказку вспоминали и в классе, сравнивали ее с русскими “Теремками”. В отличие от русских “Теремков”, украинская “Рукавичка” имеет реалистическую рамку, мотивирующую появление в лесу рукавички (мужик теряет рукавичку —

начало сказки) и ее исчезновение (мужик подбирает рукавичку; звери разбегаются — концовка). Русская сказка не знает таких мотивировок; появление медведя-разрушителя никак не связано в них с экспозицией, вводящей предмет обживания (“Лежал в поле лошадиный остов...” и др.). В отличие от русской сказки, в “Рукавичке” спасаются не только обитатели “теремка” (такой исход ситуации представлен и в нескольких русских вариантах), но и сама рукавичка (мужик подбирает ее). Сравните: девочка подбирает ведро (Аня), собака подбирает свой колокольчик (Надя), сапожник уносит сапог (Коля), подъемный кран поднимает чайник (Лена) — все обитатели разбегаются. Вполне возможно, что украинская сказка привлекла ребят своей оптимистичностью, счастливым концом⁷. Кроме того, “испорченных” литературой второклассников могла привлечь цельность “Рукавички”, задаваемая рамкой, реалистическая мотивированность появления и исчезновения “теремка”.

Сережа повел себя несколько иначе: его “теремок” сохраняется (дупло), а обитатели гибнут. Но вряд ли его финал можно назвать пессимистичным, скорее он реалистичен, задуман в соответствии с биологическими свойствами персонажей (чего не знает русская сказка). Да и оппозиция у Сережи получилась не “теремковая”: листоядные насекомые, нехищники, противопоставлены насекомоядному хищнику, дятлу. Любопытно, что в расхожем представлении дятел — лесной доктор, позитивный “персонаж” русского леса; у Сережи же он оказывается разрушителем, хищником. Сережа сохраняет при этом и привычное позитивное отношение к дятлу (“— А я дятел — врагов леса побиватель! — И склевал всех!”). Не правда ли, именно в этой точке текста все предшествующие персонажи переосмысливаются негативно, а сказочный разрушитель обращается победителем? Сережа мастерски заложил в прозвища своих персонажей, подчас напоминающие детскую дразнилку (“тля — толстым пузом вертля”), актуальную для его текста биологическую характеристику, данную с точки зрения ущерба, приносимого лесу (жук-древоточец, гусеница-листовертка, златка — на листья падка и т.д.), и тем самым эмоционально подготовил финал.

Очевидно, что не только “Теремок”, но и никакая другая фольклорная сказка не знает подобных превращений. Сережа играет фольклорным каноном, как подлинный автор, и, как и Дима, создает оригинальную литературную сказку.

⁷ К.И. Чуковский приводит многочисленные примеры, демонстрирующие нетерпимость детей 3—5 лет к печальным концовкам песенок, сказок и т.д. (*К.И. Чуковский. Признания старого сказочника // К.И. Чуковский. Стихи и сказки. От двух до пяти. М., 1995. С. 573—574*). Детские “Теремки” говорят в пользу того, что возраст этот может быть значительно продлен: ориентированные на “печальный” вариант русских сказок восьмилетние дети, оказавшись в ситуации выбора, в подавляющем большинстве избирают оптимистичный исход украинской сказки.

Работа Лены также близка к литературной сказке: здесь экспозиция очень естественно связалась не только с финалом (подъемный кран тащит со свалки чайник), но и с характером персонажей и их прозвищ. Не случайно на свалке появляются крыса, муха, паук, а пес получает прозвище “Битый Нос”. Такая цельность не свойственна фольклорной сказке: в ней нет никакой зависимости между характером теремка (его формой, происхождением, местом, где его обнаруживают персонажи) и выбором персонажей, а также способом завершения кумулятивного сюжета. Кроме того, Лена вводит в сказку маленькое подпространство “теремка” — лужицу на дне чайника; фольклорная сказка не знает членения внутреннего единого пространства.

В противоположность Сереже и Лене, Аня создает текст по фольклорным канонам. Если Сережа, Надя, Коля стремятся к оригинальности, Аня вводит традицию, конструирование текста из готовых словесных формул. Отметим в связи с этим начало ее сказки: “Жила-была...”, фразу “печку топила, кашу варила”, целиком взятую из детской потешки, комар-пискун (это прозвище использовано в большинстве русских вариантов “Теремка”), а также “бабочка-либочка”, взятое из широко распространенной детской приговорки (“Бабочка-либочка, / Сядь, покури...”).

Любопытно, что Коля, Аня и Сережа, как и Оля в “Старом башмаке”, пренебрегли сказочной гиперболой: их “теремки” вмещают не больше, чем могут реально вместить соответствующие предметы.

Авторские “Теремки”

Регина Овчинникова

Бочка

Ехал мужик с базара на телеге. По дороге он потерял бочку, не заметил и поехал дальше домой. Шел мимо ежик. Увидел бочку, скатил ее в овраг, залез туда и стал там жить. Когда ежик устроился в бочке, он пошел в лес собирать грибы на зиму. Там он встретил белку, которая собирала орехи. Увидев ежа, она спросила:

— Куда ты, ежик, несешь грибы?

— Домой, в бочку. Я ее нашел на дороге и стал в ней жить.

— А можно мне с тобой вместе жить в бочке?

— Пойдем, веселее вдвоем будет.

Пошли они домой. Белка орехи несет, а ежик грибы.

Стали они жить да поживать. Вдруг слышат, кто-то стучится к ним.

— Кто в бочке живет?

— Я ежик — ни хвоста, ни ножек, я белка-тарактелка! А ты кто?

— А я зайчик-попрыгайчик. Пустите меня к себе, а то за мной лиса

гонится.

— Заходи!

Стали они втроем жить. Ежик за грибами ходит, белка орехи собирает, а заяц капусту да морковку приносит. Вдруг слышат, опять к ним в дом стучатся.

— Кто в бочке живет?

— Я ежик — ни хвоста, ни ножек, я белка-тарахтелка, я зайчик-попрыгайчик. А ты кто?

— Я крот — полный земли рот. Пустите меня к себе жить, я буду вам помогать по хозяйству, огород вспашу и окучаю.

— Заходи, нам помощники нужны.

Стали они вчетвером жить. Весело живут, каждый своим делом занимается. Крот огород вспахал, и посадили они морковку, укроп, свеклу, капусту. Вдруг к бочке подлетела кукушка. Ходит вокруг нее, любитесь таким красивым домом. Увидела зверей и спрашивает:

— Кто в бочке живет?

— Я ежик — ни хвоста, ни ножек, я белка-тарахтелка, я зайчик-попрыгайчик, я крот — полный земли рот. А ты кто?

— А я кукушка-полетушка. Пустите меня в дом к себе жить.

— А ты что умеешь делать?

— Я буду вас веселить, песни петь, танцевать.

— Хорошо, заходи, а то нам веселья не хватает.

Вот их пятеро стало. Весь день трудятся, готовят припасы на зиму, а вечером им кукушка песни поет. Наступила осень, собрали урожай и стали ждать зиму. Пришла зима, потом весна. Жили они весело и дружно. Вот и лето началось. Поехал мужик на базар через год и увидел свою бочку, которую потерял тем летом. Слез с телеги и хотел поднять бочку. Вдруг видит, что в бочке звери живут. Стало ему жалко их и оставил им этот прекрасный дом.

Мызникова Юля

Старинный сундук

Ехал мужик на телеге, обронил сундук.

Проползал мимо сундука микроб и спрашивает:

— Кто, кто в сундуке? Кто, кто в старинном?

Никто не отвечает. Стал микроб жить в сундуке.

Прискакала блошка и спрашивает:

— Кто, кто в сундуке? Кто, кто в старинном?

— Я микроб-Кузя, а ты кто?

— А я блошка-поскакушка.

— Иди ко мне жить.

Стали двое жить.

Прилетел комар и спрашивает:
— Кто, кто в сундуке? Кто, кто в старинном?
— Я микроб-Кузя, я блошка-поскакушка. А ты кто?
— А я комар — острый нос.
— Иди к на жить.
Стали трое жить.
Прилетела муха и спрашивает:
Кто, кто в сундуке? Кто, кто в старинном?
— Я микроб-Кузя, я блошка-поскакушка, я комар — острый нос. А ты кто?
— А я мушка — толстое брюшко.
— Иди к нам жить.
Стали четверо жить.
Приковылял к сундуку хромой ежик и спрашивает:
— Кто, кто в сундуке? Кто, кто в старинном?
— Я микроб-Кузя, я блошка-поскакушка, я комар — острый нос, я мушка
— толстое брюшко. А ты кто?
— А я ежик-хромоножик.
— Иди к нам жить.
Стали пятеро жить.
День живут, другой живут, каждый своим делом занят.
Микроб в сундуке убирался, блошка еду готовила, комар цветы, кусты
и деревья вокруг сундука сажал, мушка белье стирала, а ежик в лес за
грибами и ягодами ходил.
И стали они жить-поживать и добра наживать.
Конец.

Руднев Илья

Под елью

Наступает Новый год. Звери задумались, как им встретить праздник.
Летел по лесу воробей. Увидел на опушке высокую пушистую ель и
спрашивает:
— Кто под елью, кто под высокой? — Никто ему не отвечает, только
ветер колышет ветви ели. Решил воробей устроить праздник здесь.
Прилетела сорока и спрашивает:
— Кар-кар. Кто под елью, кто под высокой?
— Я — воробей — летунчик, скакунчик. А ты кто?
— Я — сорока-белобока, по лесу летаю, все вижу, все знаю.
— Садись на ель, вместе Новый год встретим.
Стало их двое.
Скачет белочка по ветвям, ищет себе корм. Скакала, скакала, да на
нашу ель угодила:
— Цок-цок, кто под елью, кто под высокой?

— Я — воробей — летунчик, скакунчик.
— Я — сорока-белобока. А ты кто?
— Я белочка — по деревьям прыгунья.
— Иди к нам, втроем веселее праздновать.
Бежит по лесу норка, следы на снегу оставляет, хвостиком виляет.
— Кто под елью, кто под высокой?
— Я — воробей — летунчик, скакунчик.
— Я — сорока-белобока.
— Я белочка — по деревьям прыгунья. А ты кто такая?
— Я норка — пушистая шубка. Пустите под ель, вместе будет веселей!
Стали они под елью скакать, Новый год встречать.
Шел по лесу охотник. Решил ребятишкам на праздник из леса ель принести. Звери увидели его, испугались, в разные стороны разбежались. Срубил он ель и понес ее домой.

Дима Тюпа

Гитара

Семиструнная гитара,
Про нее никто не знал.
В руки одному попала,
А другой ее сломал.

Жил-был мужик. Состарился, делать нечего. Стал он искать, чем бы ему заняться. И попала под руку гитара. Захотел он поиграть, а не умеет. И стал он пробовать одну ноту, другую. Да такой скрип получился, что самому неприятно стало. Думает он, думает и придумал: а ну-ка я буду каждую ноту по отдельности играть. Сказано — сделано. Начал, а играть-то не умеет и все ноты в обратном порядке сыграл.

Услышала его нота Си, прибежала:

— Кто меня звал?

Вдруг обернулась, увидала гитару.

— Кто в гитаре, кто в семиструнной?

Никто ей не ответил. И стала она там жить.

Снова начал мужик играть. Услыхала его нота Ля, прибежала, увидела гитару. Так и ахнула: “Как красиво! А я так устала ходить, ночевать, где попало”.

— Кто в гитаре, кто в семиструнной?

— Я Си — пряник принеси.

— Да где же он?

— Да вот валяется.

Подняла Ля пряник и вошла в гитару. Стало их двое.

Снова играет мужик. Услыхала его нота Соль, прибежала, увидела

гитару и ахнула: “Как красиво! Устала я весь день ходить, ночевать, где попало”.

— Кто в гитаре? Кто в семиструнной?

— Я Си — пряник принеси.

— Я Ля — вспахай поля. А поля за углом, а пряник тут валяется.

Вспахала Соль поля, пряник принесла и вошла в гитару. Стало их трое.

Снова заиграл мужик. Услыхала его нота Фа, прибежала, увидела гитару и ахнула: “Как красиво! А я как раз устала весь день ходить, ночевать, где попало”.

— Кто в гитаре? Кто в семиструнной?

— Я Си — пряник принеси.

— Я Ля — вспахай поля.

— Я Соль — прихлопни моль. А моль вот летает, а поля за углом, а пряник тут лежит.

Фа моль прихлопнула, поля вспахала, пряник принесла. Впустили и ее. Стало их четверо.

Снова играет мужик. Услыхала его нота Ми, прибежала, увидела гитару и ахнула: “Как красиво! А я так устала весь день ходить, ночевать, где попало”.

— Кто в гитаре? Кто в семиструнной?

— Я Си — пряник принеси.

— Я Ля — вспахай поля.

— Я Соль — прихлопни моль.

— Я Фа — купи два шкафа. А шкафы в магазине, а моль тут летает, а поля за углом, а пряник здесь валяется.

Ми два шкафа купила, моль прихлопнула, поля вспахала, пряник принесла. Придется впустить. Стало их пятеро.

Снова играет мужик. Услыхала его нота Рэ, прибежала, обернулась и ахнула: “Как красиво! А я как раз устала весь день ходить, ночевать, где попало”.

— Кто в гитаре? Кто в семиструнной?

— Я Си — пряник принеси.

— Я Ля — вспахай поля.

— Я Соль — прихлопни моль.

— Я Фа — купи два шкафа.

— Я Ми — ягодку сорви. А ягодка под листиком висит, а шкафы в магазине, а моль здесь летает, а поля за углом, а пряник тут валяется.

Рэ ягодку сорвала, два шкафа купила, моль прихлопнула, поля вспахала, пряник принесла. Нечего делать, впустили и эту. Стало их шестеро.

Снова играет мужик. Услыхала его нота До, прибежала, обернулась и ахнула: “Как красиво! А я так устала весь день ходить, ночевать, где

попало”.

— Кто в гитаре? Кто в семиструнной?

— Я Си — пряник принеси.

— Я Ля — вспахай поля.

— Я Соль — прихлопни моль.

— Я Фа — купи два шкафа.

— Я Ми — ягодку сорви.

— Я Рэ — сделай вырез на коре. А нож я тебе дам, а дерево в лесу, ягодка под листиком висит, а шкафы в магазине, а моль здесь летает, а поля за углом, а пряник тут лежит.

До вырез сделала, ягодку сорвала, два шкафа купила, моль прихлопнула, поля вспахала, пряник принесла.

— Ну, заходи.

— А где тут вход?

— А вот между струн.

Вошла До и стало их семеро.

Мужик решил своему сыну гитару показать. Привел его:

— Смотри, как я играю!

А сын взял гитару и как стукнул ею по столу.

— Ах ты, пакостник! — закричал мужик. Побежал за нотами. Куда там! Слишком уж сильно их сын напугал.

Авторские “Теремки” третьеклассников по-разному отступают от фольклорного инварианта, но есть некоторые закономерности, объединяющие все детские версии сказки. Так, ни в одной работе *не была использована сказочная гипербола*: и бочка, и сундук, и ель, и гитара (точнее, октава, состоящая из семи нот) оказались достаточно “просторными”, чтобы вместить всех приходивших к ним персонажей. В целом эти “теремки” значительно объемнее фольклорных (горшок, кувшин, лошадиная голова, решето). Пренебрежение гиперболой было отмечено и в нескольких “фольклорных” “Теремках”, сочиненных детьми.

Отсутствие гиперболы, вероятно, связано с другой характерной особенностью детских авторских “Теремков” — *оптимистичностью их финалов*. Действительно, ни в одном из этих текстов не только не погиб ни один персонаж (в большинстве фольклорных вариантов гибнет и “теремок”, и его обитатели), но и не разрушился ни один “теремок” (для фольклорной сказки это обязательный элемент развязки). О гибели, разрушении здесь можно говорить лишь в несколько ином смысле: *разрушается единство теремка и его обитателей* в работах Ильи и Димы (ель срубают и уносят к детям на праздник; ноты “убегают” от гитары, испугавшись сильного удара); Юля и Регина оставляют персонажей внутри теремков, возникшее единство теремка и его обитателей здесь сохранено. Не случайно их теремки столь просторны: бочка, сундук.

Юля и Регина (девочки!) совсем отказываются от трагического финала, причем Регина как бы *отменяет* возможное исчезновение бочки (“Слез с телеги и хотел поднять бочку. Вдруг видит, что в бочке звери живут. Стало ему жалко их и оставил им этот прекрасный дом”), а Юля *утверждает оптимистичность* концовки (“И стали они жить-поживать и добра наживать. Конец”). Мальчики же переосмыслили сказочную концовку по образу украинской “Рукавички”.

Интересно, как Юля доводит до предела свой оптимистический замысел: она не только выбирает самый просторный теремок (*старинный*, то есть очень большой, сундук), но и вводит самых миниатюрных персонажей — это микроб, блошка (а не блоха!), комар, мушка (а не муха!), ежик (а не еж). Завершая сказку на самой мажорной ноте, Юля пишет: “Конец”, подчеркивая, вероятно, тем самым, что никаких трагических разрушений далее не последует.

Кроме отказа от гиперболизации вместимости теремка и тенденции к оптимистичности финала, в детских авторских версиях значительно *ослаблена* важнейшая для народной сказки *оппозиция внешний/внутренний* (с позитивной маркированностью внутреннего

пространства)⁸. Эта оппозиция практически снята в работе Ильи: здесь вообще не говорится ни о каком вхождении *внутрь*, ель здесь — лишь место, где лесные обитатели собираются, чтобы встречать Новый год; не случайно одни персонажи попадают у Ильи *на* ель, другие — *под* ель. В детской сказке В. Сутеева “Под грибом”, с которой сказка Ильи явно перекликается, обживаемое лесными обитателями пространство тоже разомкнуто, но там принципиально невозможно попадание *на* гриб: ведь звери прячутся под грибом от дождя.

Ослабляя ту же оппозицию, Регина переносит диалог ежика и белки в лес, мотивируя их встречу собиранием грибов и орехов; в фольклорной сказке все без исключения диалоги происходят у *входа в теремок*. Кроме того, персонажи Регины свободно преодолевают границу внутреннего и внешнего пространств: “Стали они вчетвером жить. Весело живут, каждый своим делом занимается. Крот огород вспахал, и посадили они морковь, укроп, свеклу, капусту”. Так же относятся к границе внутреннего и внешнего пространств и Юлины персонажи: “Микроб в сундуке убирался, блошка еду готовила, комар цветы, кусты и деревья вокруг сундука сажил <...> а ежик в лес за грибами и ягодами ходил”. Фольклорная сказка не знает такой свободы: однажды попав *внутрь*, ее персонажи остаются там до самого финала сказки. В Диминой же “Гитаре” свобода пересечения пространственных границ усиливается тем, что действие сказки разворачивается не только *на пороге*, у *входа* в гитару (в октаву), причем персонажи то и дело отдаляются, выполняя задание (“Фа моль прихлопнула, поля распахала, пряник принесла...”), но и снаружи, во внешнем пространстве: “Снова начал мужик играть”, “Мужик решил своему сыну гитару показать. Привел его...” и т. д.

С ослаблением оппозиции внутренний / внешний связано и свободное “заглядывание” *внутрь теремка*, широко представленное в литературных версиях сказки (М. Михайлов, С. Маршак, Е. Чарушин и др.) и совершенно недопустимое в фольклорной сказке, сосредоточенной на немотивированном стремлении персонажей попасть *внутрь* и совершенно безразличной к тому, что там происходит. Так, в работе Регины сообщается: “Весь день трудятся, готовят припасы на зиму, а вечером им кукушка песни поет”; у Юли: “Микроб в сундуке убирался” и т.д.; у Ильи: “Стали они под елью скакать, Новый год встречать”. В Диминой работе это нарушение не отмечено, возможно, из-за специфичности выбранных автором персонажей и самого предмета обживания, “теремка”.

Еще одна регулярно нарушаемая в детских обработках особенность фольклорной сказки — *отсутствие мотивировок*. Отмечая, что “для

⁸ См. об этом в разделе: «Русская народная сказка “Теремок”: логика инварианта и пределы варьирования».

действий, описываемых в фольклоре, не требуется указания на причины этих действий или, говоря языком поэтики, не требуется мотивировок”, В.Я. Пропп пишет, что особенно явно эта особенность фольклорного повествования проявляется в сказках кумулятивных. “Так, в сказке «Терем мухи»⁹ один за другим напрашиваются звери, обычно в порядке нарастающей величины <...> Появление этих зверей определяется художественной логикой, а не причинно-следственным мышлением. В кумулятивных сказках агглютинативный принцип выражен наиболее ясно, но он прослеживается и в других типах сказок”¹⁰. В работе Регины ежик пускает в бочку белку, потому что “веселее вдвоем будет”, крота пускают, потому что “помощники нужны” и т. д. В работе Ильи воробей забирается под ель, потому что “решил устроить здесь праздник”, охотник срубает ель, так как “решил ребятишкам на праздник из леса ель принести”.

В Диминой “Гитаре” для мотивировки прихода нот к гитаре даже введен специальный персонаж, мужик, заставляющий звучать ноту за нотой и тем самым зовущий их в “теремок”. И только “Старинный сундук” Юли не знает мотивировок!

Завершая комментарий к детским авторским версиям русской сказки, отметим особую оригинальность авторского замысла Димы. В отличие от других ребят, сориентированных все-таки на художественную логику народной сказки и по-разному нарушающих ее в результате “отмены” ряда инвариантных запретов, отмены, вполне оправданной при переходе от фольклорного произведения к литературному, — Дима *инициирует* целый ряд новых сюжетно-композиционных идей, переосмысливает и оригинально мотивирует кумуляцию, изобретает для своей сказки новый кумулятивный ход¹¹. Там, где в фольклорном “Теремке” появляется обязательное прозвище, характеризующее персонажа (Дима достаточно поупражнялся в придумывании таких прозвищ, сочиняя свой “Старый башмак”), он вводит рифмующуюся (как

⁹ Под таким названием сказка, названная в этой статье “Теремок”, представлена во всех сказочных указателях и специальных исследованиях (работы В.Я. Проппа, Е.А. Костюхина и др.). “Наше” название отражает массовое восприятие этой сказки, в повседневном общении именуемой именно так: “Теремок”.

¹⁰ В.Я. Пропп. Фольклор и действительность // В.Я. Пропп. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 96.

¹¹ Подобное решение (введение нового кумулятивного хода) было найдено Е.И. Чарушиным в его авторской версии “Теремка”: здесь кумулятивно нарастает звукоподражательная “песенка” жителей теремка. С появлением каждого нового персонажа песенка удлиняется:

“Прыгнула лягушка в теремок. Стали они с мышкой жить-поживать — песни распевать:

— Пик! Пик! Пик! Пик! Пик! Пик!

— Ква! Ква! Ква! Ква! Ква! Ква!”

(Далее присоединяется голос зайчика: “Чук! Чук! Чук! Чук! Чук! Чук!” и т.д.)

фольклорное прозвище!) с именем персонажа словесную формулу — поручение, которое должен выполнить очередной персонаж, чтобы попасть в “теремок” (“Си — пряник принеси”, “Ля — вспахай поля” и др.). Эти “поручения” “склеиваются” в полном соответствии с кумулятивным принципом: каждому новому персонажу приходится выполнить на одно поручение больше. Одновременно Дима вводит в свой текст традиционный для волшебной сказки мотив испытания героя. Здесь требуется выдержать испытание, чтобы попасть в “теремок”. Как точно найдено место для испытания персонажей в работе Димы — ведь в фольклорном “Теремке” *вхождение внутрь* представлено как высшая ценность, как не требующее мотивировок желание всех персонажей сказки!

* * *

В заключение отметим, что целый ряд инвариантных “правил” этой сказки оказался неактуальным для современных младших школьников. Они “пренебрегли” теми законами сказки, которые для фольклорного исполнителя XIX — начала XX в. оставались незыблемыми. В их фольклорных версиях роль разрушителя теремка (точнее, последнего члена цепочки персонажей) уже не принадлежит медведю; финал чаще оптимистичен, и даже в случае “трагического” исхода происходит не разрушение и гибель, как в фольклорной сказке, а лишь разъединение персонажей и утрата общего сказочного жилища, теремка; неактуальной оказалась и гиперболизация внутреннего пространства теремка, а также корреляция оппозиций внутренний / внешний — маленький / большой. “Принцип кумуляции ощущается нами как реликтовый”, — пишет В.Я. Пропп¹². Тем не менее само *собрание* персонажей, *нанизывание* реплик персонажей в разрастающуюся сказочную формулу, составляющие самую суть кумуляции как сюжетно-композиционного приема, безупречно воспроизведены в творческих подражаниях. Неактуальными оказались некоторые инвариантные особенности сказки “Теремок”, сам же принцип кумуляции был не только с легкостью воспроизведен, но во многих работах и творчески переосмыслен.

В детских работах намечилось два вектора, два напряжения, которые, на мой взгляд, и определили их индивидуальный характер. Один вектор — традиция, устная словесность. Дети с такой ориентацией (а их немало) отступают от фольклорного образца лишь непроизвольно, в силу психологических особенностей возраста, изменившегося мироощущения, приобщенности к литературе. Другой вектор — авторское начало, литература. Эти дети сознательно выстраивают индивидуальный замысел, оригинально обыгрывая фольклорный текст и

¹² В.Я. Пропп. Кумулятивная сказка // В.Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 248.

по сути дела пользуясь им *как материалом*. Крайнюю позицию этой тенденции представляют Дима и Сергей. Большинство ребят находятся в точке напряжения этих двух противоположно направленных тенденций, ведут себя подчас непоследовательно, то как оригинальные авторы, то как подлинные носители фольклорного сознания.